

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

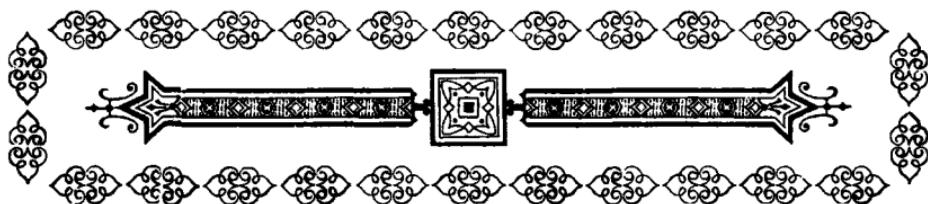
**Христианская
добродетель смиление**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 3. С. 337-361.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Христіанская добродѣтель—смиреніе. (По поводу современной нравственной язвы, разъѣдающей человѣчество¹⁾).

ЯЗЫЧНИКАМЪ не была извѣстна истинная исторія «происхожденія» человѣка; они не знали и объ его истинномъ «назначеніи», какъ оно понимается въ христіанствѣ, наконецъ, они не имѣли правильнаго представлениія и о «состояніи» человѣка. Ихъ ученіе объ этихъ пунктахъ, то нѣсколько приближавшееся къ истинному, то удалявшееся отъ послѣдняго, соответственно этому такъ или иначе отражалось и на ихъ взглядахъ объ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Намъ нѣть надобности говорить о взглядахъ болѣе древнихъ народовъ, у которыхъ встрѣчаемся то съ дѣлениемъ того или другого изъ нихъ на касты, властвовавшія—одна надъ другою или другими и т. д., то съ ученіемъ о происхожденіи одной части людей отъ высшихъ боговъ, а другой и т. д. отъ низшихъ, то съ ученіемъ о душепереселеніяхъ, то съ ученіемъ о самоизнуреніи въ цѣляхъ скорѣйшаго достижениія вожделѣнной нирваны и пр. Ихъ взгляды общеизвѣстны, и самая странность послѣднихъ не представляется столь дикою и не понятною, какъ странность воззрѣній, принадлежавшихъ представителямъ наиболѣе культурныхъ народовъ древности—греческимъ и римскимъ философамъ. Не считая нужнымъ вдаваться въ какія-либо другія подробности, отметимъ прежде всего тотъ краснорѣчивый фактъ, что лишь одни стоические мыслители признали тождество внутренняго достоинства всѣхъ людей. Другіе же философы не додумались до этого. Даже Платонъ

¹⁾ Окончаніе (см. „Хр. Чт.“—февр. кн.).

считаетъ способными къ нравственному совершенствованію, къ нравственной жизни только такъ называемыхъ «свободно-рожденныхъ» грековъ; «рабамъ» же этой способности не усвоется. Изъ «свободныхъ» грековъ, въ свою очередь, полною нравственною жизнью можетъ жить, «свободою и полною добродѣтелю обладаетъ только мудрецъ-правитель; прочимъ сословіямъ признано достаточнымъ удѣлить по одной специальной добродѣтели и то какъ необходимое средство для общаго благосостоянія, въ сущности—для нравственно-сомнительного блага тѣхъ же правителей»¹). ... «Тождество нравственного достоинства человѣческой природы у всѣхъ людей отрицаетъ и Аристотель, превознося въ данномъ отношеніи свободно-рожденныхъ грековъ предъ не усвоившими греческаго образованія: плебействомъ греческимъ же и варварами, господъ предъ рабами—только одушевленными орудіями для первыхъ, мужа предъ женой»²). Опускаемъ другія подробности, такъ какъ онѣ ужъ и не нужны. Если люди не тождественны другъ съ другомъ по природѣ, если они не равны между собою, гдѣ бы ни лежала и какъ бы ни объяснялась причина этого неравенства,— если одни изъ нихъ служатъ лишь орудіями для другихъ..., то развѣ можетъ быть рѣчь о какомъ-либо смиреніи или скромности въ отношеніяхъ однихъ изъ нихъ къ прочимъ? Конечно, нѣтъ. Вмѣсто этого у однихъ выступаютъ на сцену гордость, высокомѣріе (ср. въ первой нашей статьѣ характеристику нѣкоторыхъ добродѣтелей древне-классической этики), презрительное отношеніе къ низшей ихъ (по ихъ мнѣнію) части человѣчества; у другихъ, т. е., у этой послѣдней, возникаетъ или чувство какой-то приниженности предъ первыми, заискиваніе этихъ, смиреніе фальшивое и дурное, лицемѣріе, низкопоклонство и пр. или тайная зависть къ тѣмъ, злобное противъ нихъ, какъ аристократовъ—притѣснителей, чувство и проч. Истиннаго же смиренія или скромности въ отношеніяхъ однихъ къ другимъ, быть не можетъ. Въ отношеніяхъ другъ къ другу лица, стоящія на разныхъ ступеняхъ общечеловѣческой лѣстницы, также не могутъ руководствоваться скромностью, смиреніемъ; тотъ

¹⁾ „Православно-христіанское учение о нравственности“ о. И. Л. Янышева (литографир. лекціи—1881 г., стр. 165—166).

²⁾ „Аристотель и Фома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ учению о нравственности“—наше изслѣдованіе: стр. 579 (Спб. 1884 г.).

же эгоизмъ, желаніе каждого показать свое превосходство предъ другимъ и пр. и пр., являющіяся естественнымъ отображеніемъ отношеній высшихъ классовъ къ низшимъ..., вотъ что будетъ имѣть мѣсто въ рассматриваемомъ случаѣ. Да и почему здѣсь могло бы быть умѣстно смиреніе или скромность? По какимъ побужденіямъ? Не видимъ ихъ здѣсь, да ихъ и нѣтъ. Но, можетъ быть, они есть у стоиковъ, проповѣдывавшихъ «всеобщее братство и равенство людей», учившихъ, что «человѣкъ для человѣка долженъ быть священнымъ», что «природа раба одинакова съ природою господина»¹)... Ихъ нѣтъ, однако, и здѣсь. Эгоизмъ, который, какъ мы видѣли, проникалъ собою отношенія стоика къ его божеству, то превосходство, какое онъ сознавалъ въ себѣ по сравненію съ послѣднимъ..., все это въ извѣстномъ смыслѣ и степени проникало собою и отношенія стоика къ людямъ. «Эгоистическимъ» элементомъ проникнуто все поведеніе стоика, имѣющее въ виду его близкихъ, этимъ элементомъ въ дѣйствительности окрашены всѣ добродѣтели его, какъ бы высоки и чисты, повидимому, онъ ни были²). Горделивое сознаніе стоика, что своею добродѣтелью онъ «обязанъ» не кому либо другому, а только и только себѣ, не оставляетъ его ни на секунду: «зной, говорить Сенека, что, если ты обязанъ Богу тѣмъ, что ты живешь, то ты обязанъ одному только себѣ тѣмъ, что ты хорошо живешь»³). Стоический идеаль—«мудрецъ»... «слишкомъ гордъ, чтобы на него могли непріятно повлиять дѣла и характеръ другихъ людей; ко врагамъ онъ относится съ презрѣніемъ и старается равнодушно переносить обиды, нанесенные ему другими, но за то онъ и не позволяетъ себѣ слабости прощать другимъ ихъ несправедливости... Стоикъ не долженъ чувствовать ни къ кому состраданія и не долженъ оказывать никакого снисхожденія... Христіанское правило: простите, и вамъ прощено будетъ... не имѣть для стоика никакого смысла, такъ какъ онъ не думаетъ попасть въ такое положеніе, чтобы нуждаться въ прощеніи»⁴)...

¹) „Мораль стоицизма и христіанское нравоученіе“ И. Невзорова (Казань. 1892 г., стр. 59—61). „Моральная философія стоиковъ въ отношеніи къ христіанству“ С. Говорова (Харьковъ, 1887 г., стр. 82).

²) Ср. у С. Говорова стр. 79 и др.

³) „Стоицизмъ и христіанство“... Людо (см. т. IV „Собрания“ его „сочинений“; Спб. 1900 г., стр. 273).

⁴) См. у С. Говорова стр. 79—80.

Всюду выступает личное я стоика, горделивое сознание. Где ужъ тутъ говорить о какомъ-то смиреніи, какой-то скромности? Все это незнакомо и стоикамъ, сказавшимъ послѣднее слово по нравственнымъ вопросамъ въ языческой древности. Незнакомо же имъ это опять-таки потому, что имъ неизвѣстно было правильное ученіе о человѣкѣ: его «происхожденіи, назначеніи и состояніи» [припомн., напр., пункты стоического ученія: «между душою и тѣломъ нѣть существенаго различія»; «тѣло», говоритъ Сенека, «тѣмница души»; при томъ значеніи, какое имѣть,---по стоическому міровоззрѣнію,—«судьба, свобода есть иллюзія»: *nihil libere voluntus, nihil absolute, nihil semper*» (Сенека); «личного бессмертія» нѣть; «идея» послѣдняго «стоикамъ была неизвѣстна» и проч. и проч. ¹⁾...]...

Ветхозавѣтному еврейскому народу, конечно, было присуще (см. выше) правильное представление о «происхожденіи» человѣка; этотъ народъ, просвѣщавшійся пророками, понималъ, разумѣется, и истинное «состояніе» и «назначеніе» людей (см. выше), но все же не въ столь полной степени, въ какой это стало достояніемъ человѣка новозавѣтного, озареннаго божественнымъ свѣтомъ евангельской истины. Только христіанинъ вполнѣ понимаетъ свое «состояніе», только онъ вполнѣ разумѣеть и свое «назначеніе». Христово ученіе разъяснило ему все это въ необходимой для него степени, въ совершенной; ему ясно стало все, что ветхозавѣтному еврею представлялось яснымъ не вполнѣ и не всѣцѣло, что послѣднимъ понималось подъ особымъ угломъ зрѣнія. Ветхозавѣтному еврею не чужда была точка зрѣнія на всѣхъ неевреевъ, какъ на пѣчто, стоящее ниже его, если и не со стороны «происхожденія» тѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ ихъ «назначенію» и пр. Сознаніе, что они—евреи—богоизбранный народъ и только они одни, заставляло ихъ въ извѣстной степени горделиво смотрѣть на всѣхъ неевреевъ. Этотъ взглядъ на послѣднихъ такъ или иначе проскальзывалъ въ столкновеніяхъ евреевъ съ не-евреями за все время ветхозавѣтного периода. Чтобы убѣдиться въ правдивости данного положенія, стоять припомнить, напр., исторію столкновеній евреевъ съ другими народами во время переселенія

¹⁾ См. у И. Невзорова: стр. 28. 30. 31. 32. 33.

первыхъ изъ Египта въ обѣтованную землю, во время за-воеванія послѣдней, во время жительства въ ней въ періодъ судей и т. д. и т. д. Сознаніе, что изъ нихъ—евреевъ—среды произойдетъ Мессія—Спаситель человѣчества, усиливало ихъ (по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кто неправильными очами взиралъ на все это, а такихъ было, конечно, большинство; правильная же точка зре́нія на дѣло была достояніемъ лишь немногихъ: чит., напр., Исаія LIV, LXII, LXV; Йоил. II и нѣкотор. друг.) нѣкоторую гордость предъ другими народами естественно еще болѣе. Такому взгляду евреевъ на себя и на послѣднихъ,—взгляду, по которому еврей выше всѣхъ не—евреевъ,—способствовало, словомъ, все, что служило къ «строгому обособленію еврейской націи отъ всѣхъ другихъ народностей», что «замыкало ее въ свой особый кругъ»¹⁾... И этотъ взглядъ, дѣйствительно, завоевалъ себѣ столь прочное мѣсто въ сознаніи еврейского народа, что его, какъ извѣстно, не легко было искоренить даже и по обращеніи евреевъ въ христіанство. Словомъ, что евреямъ, въ силу отмѣченыхъ выше и подобныхъ имъ обстоятельствъ, было чуждо въ извѣстной степени и въ извѣстной мѣрѣ даже непонятно смиреніе или скромность въ отношеніи этого народа къ другимъ, это—фактъ, не подлежащій сомнѣніямъ,—по крайней мѣрѣ, если имѣть въ виду массу представителей еврейской націи. Рассматриваемая добродѣтель — достояніе только христіанства, и она, поэтому, является весьма характерною въ отношеніи къ послѣднему.

VII. Вездѣ, гдѣ такъ или иначе расходится съ христіанскимъ ученіемъ представленіе о человѣкѣ, рѣчь объ истинномъ смиреніи или скромности является рѣшительно немыслимою. Для примѣра обратимъ вниманіе на модное нынѣ эволюціонистическое міровоззрѣніе. Самоновѣйшимъ выразителемъ его является въ числѣ другихъ извѣстный Эрнстъ Геккель, авторъ «реферата, прочитанного» имъ «на четвертомъ интернациональномъ конгрессѣ зоологовъ въ Кембриджѣ 26 августа 1898 г.» и въ настоящее время отпечатанного, между прочимъ, и на русскомъ языке подъ заглавиемъ: «Наше современное знаніе о происхожденіи человѣка» (СПБ. 1900 г.).

¹⁾ См. нашу статью: „Сущность христіанского ученія объ отношеніяхъ человѣка къ блаженству“ („Хр. Чтѣп.“. 1897 г. Ноябрь, стр. 263 ср. и друг.).

Дѣлаемъ Геккелемъ конечный выводъ по данному вопросу таковъ: «взглянувъ на современное состояніе антропогеніи съ общей точки зреінія и соединивъ въ одно ея эмпирические аргументы, мы имѣемъ» (???) «полное право сказать: происхожденіе человѣка отъ вымершаго рода третичныхъ пріимать... есть» (???) «вполнѣ установленный исторический фактъ». Конечно, фактъ этотъ не поддается точному доказательству; мы не можемъ указать на всѣ тѣ безчисленные и химические процессы, которые въ теченіе болѣе, чѣмъ ста миллионовъ лѣтъ» (???) «постепенно привели отъ простѣйшей монеры, отъ одноклѣточной первоначальной формы къ гориллѣ и къ человѣку»... (стр. 52). На-ряду съ подобнымъ ученіемъ о происхожденіи человѣка, Геккель и К^о отрицательно, разумѣется, относятся и къ состоятельности ученій, признающихъ «бессмертіе человѣческой души», «свободу человѣческой воли», «существованіе... бога, какъ творца, хранителя и властителя міра»... (стр. 26). Въ настоящемъ случаѣ, какъ показываютъ—самый характеръ и задачи нашей статьи, мы, конечно, не намѣрены подвергать критическому разбору подобные дикие выводы «зоологовъ» (каковы—Геккель, Гексли и ихъ неразумные послѣдователи на русской почвѣ, хотя бы это были и профессора университетовъ), взавшихся не за свое дѣло—решеніе не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію антропологическихъ и теологическихъ вопросовъ, составляющихъ специальность антропологовъ и теологовъ,—не намѣрены тѣмъ болѣе, что это дѣло уже съ достаточнымъ успѣхомъ исполнено другими¹). Мы желаемъ только сказать нѣсколько словъ о тѣхъ выводахъ по отношенію къ рассматриваемому нами вопросу, какіе непосредственно вытекаютъ изъ подобной нелѣпой исторіи, придуманной извѣстной частью мыслителей материалистического направленія. Выводы эти сами собою ясны. Есть ли для человѣка,—имѣющаго материалистическое міровозрѣніе,—основанія проявлять смиреніе, быть въ своихъ отношеніяхъ скромнымъ? Есть ли для него въ данномъ случаѣ достаточные побужденія? Нѣтъ ихъ у него. Христіанства и указываемыхъ имъ побужденій и основаній онъ не признаетъ, а новыхъ ему взять не—откуда. Чѣмъ онъ хуже всякаго другого человѣка, чтобы смиряться предъ нимъ? Не всѣ-ли они одинаково

¹⁾ Чит., напр., „Апологетику“ Эбрарда (Спб. 1877 г., т. I) и др. книги (ср. оп. cit. проф. А. Бѣляева: стр. 6)..., извѣстныя и русской публикѣ.

происходить отъ животнаго? А если одинъ и сознаетъ себя менѣе умнымъ, менѣе дѣятельнымъ и пр., чѣмъ другой, то зачѣмъ все-таки первому проявлять скромность въ отношеніи къ послѣднему? Развѣ для того только, чтобы, притворившись скромнымъ и смиреннымъ, потомъ съ тѣмъ болѣею легкостю обмануть довѣрчиваго и положившагося на скромность этого субъекта лица?!.. Вѣдь какого-либо нравственнаго закона, обязательно требующаго отъ даннаго человѣка исполненія тѣхъ или иныхъ дѣлъ и проч., послѣдній не признаеть, а если утверждаетъ противное, то или самъ обманывается, или,—что, конечно, вѣрнѣе,—обманываетъ, пытается обмануть другихъ... Въ самомъ дѣлѣ, о какомъ нравственномъ законѣ, о какомъ нравственномъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, поступаніи и настроеніи и прочемъ въ этомъ родѣ можно говорить въ отношеніи къ человѣку, производящему себя «отъ вымершаго рода третичныхъ приматъ», въ существѣ дѣланичѣмъ не отличающемся отъ какого угодно животнаго, не знающему ни личнаго Бога-Творца и Промыслителя, ни тѣмъ болѣе Спасителя, не чувствующему себя нравственно-свободнымъ, не признающему личнаго бессмертія за гробомъ, словомъ, чувствующему себя какимъ то случайнымъ и скоропреходящимъ на вѣки феноменомъ и проч.? Такой человѣкъ, безспорно, всегда предпочтетъ нелѣпымъ для него—смиренію и скромности эгоизмъ во всѣхъ грубыхъ и тонкихъ его проявленіяхъ, колѣ скоро такой принципъ скорѣѣ всего въ томъ или другомъ случаѣ поможетъ ему устроить свое собственное материальное благополучіе. Кромѣ эгоистическихъ движений, все остальное для него въ сущности непонятно. Всегда безкорыстныя, ничего общаго съ эгоизмомъ не имѣщія, человѣческія обнаруженія въ его глазахъ не могутъ быть свойственны нормальному человѣку, какъ не имѣющія никакого смысла. Отсюда столоваться съ такимъ человѣкомъ слишкомъ трудно: насколько непонятна ему христіанская точка зренія на дѣло, настолько христіанину представляется дикимъ и нелѣпымъ его, т. е., даннаго человѣка, міровоззреніе. Для иллюстраціи взглядовъ послѣдняго, о какихъ у насъ идетъ рѣчь, скажемъ два—три слова о Ла-Рошфуко (XVII в.), этомъ извѣстномъ проповеднику эгоизма, какъ яко бы всюду заявляющаго о себѣ и безспорного факта. Иронически относясь къ другимъ, проповѣдуемымъ моралистами, бородѣтелямъ и въ каждой изъ послѣднихъ, находя болѣе или менѣе искусно

скрытый отъ поверхности наблюдателя элементъ эгоизма въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ и видахъ, низводящій каждую изъ нихъ съ пьедестала добродѣли въ разрядъ низменныхъ, притворныхъ... дѣйствій, и вообще проявленій,—французскій моралистъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ отношеніи къ добродѣтелямъ — «скромности» и «смиренію», повидимому,—говорить Гюйо¹⁾),—«питаетъ чувство какого-то религіознаго благоговѣнія»... «Смиреніе», разсуждаетъ Ла-Рошфуко, — «есть истинное доказательство христіанскихъ добродѣтелей: безъ него мы остаемся во власти нашихъ недостатковъ, которые незамѣтны для глазъ постороннихъ, а часто и для насть самихъ, благодаря тому, что они скрыты подъ покровомъ надменности». Однако, присматриваясь со своей точки зрѣнія ближе къ дѣлу, французскій мыслитель горько разочаровывается и въ этой, столь привлекательной на первый взглядъ, добродѣтели. «Смиреніе», по его словамъ, «это часто лишь притворная покорность, которой пользуются для того, чтобы покорить себѣ весь міръ: это — коварство надменности, которая склоняется передъ людьми, для того, чтобы подняться надъ ними; это — переряженное лицемѣре и его первая военная хитрость; и хотя формы, въ которыхъ облекается это лицемѣре, почти безконечны, хотя оно постоянно вызываетъ удивленіе, однако, оно никогда не бываетъ столь поразительнымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда оно скрывается въ одѣяніи смиренія: ибо тогда оно предстаетъ передъ нами съ опущенными глазами, видъ его скромный и спокойный, рѣчи его вкрадчивы и почтительны, полны уваженія къ другимъ и презрѣнія къ самому себѣ. Это — надменность, которая съ такимъ искусствомъ разыгрываетъ свою роль, что ее принимаютъ за смиреніе»²⁾). Въ качествѣ «чувства, производного отъ нравственнаго смиренія», Ла-Рошфуко называетъ «скромность» [хотя здѣсь имѣемъ дѣло собственно съ неточностью, такъ какъ, по нашему мнѣнію, «скромность» не есть нечто «производное отъ смиренія», а само же послѣднее или, если угодно, разновидность лишь послѣдняго, касающаяся проявленія этого, т. е., смиренія, въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому или другимъ, тогда какъ смире-

¹⁾ См. его „Мораль Эпікура и ея связь съ современными ученіями“ (Спб. 1899 г., стрan. 293).

²⁾ Ibid. стр. 294 (выдержки изъ „Максимъ“ Ла-Рошфуко].

ніе, понимаемое въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, нерѣдко ограничивають областью отношеній человѣка къ Богу; впрочемъ, понимать ли скромность и смиреніе въ узкомъ его смыслѣ за составные элементы понятія смиренія вообще,—понимать ли ихъ даже за синонимы, часто употребляющіеся не гоняющімися за особою точностью людьми одинъ вмѣсто другого,—понимать ли ихъ въ смыслѣ точки зрењія Ла-Рошфуко и т. под., это совершенно безразлично для существа дѣла (ср. по данному вопросу, между прочимъ, въ нашей первой статьѣ). Обезцѣнивая, какъ мы видѣли, смиреніе, онъ «еще сильнѣе обрушивается на чувство скромности: отказать отъ похвалы», говорить онъ, «есть желаніе получить двойную похвалу; мы готовы скорѣе говорить о себѣ дурное, чѣмъ ничего не говорить; скромность, которая какъ будто отказывается отъ похвалы, обозначаетъ на самомъ дѣлѣ желаніе заслужить самыя тонкія похвалы» и т. д.¹⁾). Мыслителей, разсуждающихъ въ подобномъ же духѣ, конечно, не мало (таковы утилитаристы, эволюціонисты и пр.), но о нихъ говорить намъ не зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ. Незнаніе или нежеланіе знать истиннаго ученія (т. е., откровенного) о человѣкѣ: его «происхожденіи, назначеніи, состояніи», присущее и отмѣчающее собою представителей и выразителей рассматриваемаго грубаго, материалистического направленія, конечно, и не могло ихъ привести къ болѣе высокому взгляду на человѣка въ отношеніи къ внутренней, нравственной его сторонѣ. И чѣмъ низменнѣе, чѣмъ грубѣе пониманіе указанныхъ, касающихся человѣка, вопросовъ, тѣмъ съ болѣшею и болѣшею невозможностью встрѣчаемся мы вести рѣчь о смиреніи, о скромности, какъ искреннемъ, чуждомъ всякихъ корыстныхъ, эгоистическихъ моментовъ, добродѣтельномъ настроеніи и проявленіи человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, грубѣе, низменнѣе, нежели каково выше приведенное нами эволюціонистическое ученіе о «происхожденіи человѣка», мы не встрѣчали ученія за весь предшествовавшій періодъ существованія человѣческаго рода. Даже вполнѣ аналогичныя съ современными намъ эволюціонистическими воззрѣнія прежнихъ временъ—и тѣ не имѣютъ столь грубой и столь безцеремонно, беззастѣнчиво-цинично очерченной физіогноміи. За то, если когда, то именно теперь, съ точки зрењія раз-

¹⁾ Ibidem.

сматриваемыхъ антихристіанскихъ мыслителей, всего больше и можно говорить о чмъ угодно, только не о смиреніи, не о скромности человѣка: «самолюбование, самовозвеличеніе—воть сущность высшей морали, аристократической»—таковъ девизъ этихъ моралистовъ¹⁾), договорившихся въ лицѣ, напр., Нитцше, до такихъ «геркулесовыхъ столбовъ», дальнѣе которыхъ идти ужъ, кажется, рѣшительно невозможно. Лишь только тотъ, кто всѣцѣло проникся христіанскимъ міросозерцаніемъ, можетъ понять всю высоту и истинный смыслъ разсматривающей нами добродѣтели, а также и то, что непонятнымъ казалось Ла-Рошфуко и К^o, оказавшимся неспособными подняться за предѣлы всѣцѣло сковывавшаго ихъ эгоизма.

VIII. Высота же и значеніе смиренія, какъ христіанской добродѣтели, огромны. Эта добродѣтель, по справедливому выражению одного богослова (Биттнера), «есть основная добродѣтель христіанства, основаніе всѣхъ прочихъ частныхъ и соціальныхъ добродѣтелей (какъ любовь есть главная добродѣтель, надменность—первичный грѣхъ)»²⁾. Въ подтвержденіе своего положенія данный моралистъ приводитъ нѣсколько характерныхъ святоотеческихъ выдержекъ, каковы: «смиреніе—основаніе святости» («humilitas sanctitatis fundamentum»; св. Кипріанъ); «первая христіанская добродѣтель — смиреніе» («prima virtus christianorum — humilitas»; бл. Іеронимъ); «смиреніе—наставница, мать, корень и источникъ всѣхъ добродѣтелей» («magistra, parens, radix et origo omnium virtutum — humilitas»; св. Григорій Великий) и пр.³⁾⁴⁾). Ознакомленіе съ особенностями каждой изъ христіанскихъ добродѣтелей убѣждаетъ въ совершенной истинности святоотеческихъ положеній въ родѣ только-что отмѣченныхъ. Возьмемъ такъ называемыя «богословскія добродѣтели»: вѣру, надежду и лю-

¹⁾ Подробности дѣла см. въ *нашой* рѣчи: «Христіанская любовь, какъ единствено-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній» (Спб. 1899 г., стр. 18). Тамъ указана и литература, где можно навести какія угодно справки, касающіяся исторіи, сущности и полной несостоятельности рассматриваемыхъ материалистическихъ взглядовъ во всякаго рода ихъ одѣяніи.

²⁾ Bittner: op. cit. S. 248. Ср. у *насъ* еще ниже.

³⁾ Ibid. S. 248—249.

⁴⁾ Ср. положеніе І. Кассіана: „humilitas (Coll. XV, 7) est omnium magistra virtutum, ipsa est caelestis aedificii firmissimum fundamentum, ipsa est donum proprium atque magnificum Salvatoris“ (у Zöckler'a: S. 381).

бовъ¹⁾). Что такое предполагается ими? Какое здѣсь мѣсто можетъ имѣть и имѣть смиреніе? Вѣрою предполагается «смиренное подчиненіе человѣческаго разума» возвѣщенныемъ нашимъ Спасителемъ божественнымъ «таинствамъ» (2 Корѣ. X, 5). Рѣчь о добродѣтели-надеждѣ можетъ быть умѣстна только въ устахъ человѣка смиренномудрого, такъ какъ одинъ только онъ знаетъ и сознаетъ, что самъ по себѣ онъ ничтоженъ, немощенъ и безсиленъ и что «отъ самого себя ожидать ему нѣчего; при малѣшемъ-же отсутствіи смиренномудрія, при иѣкоторой наличности (хотя бы и едва замѣтной) надменности, самонадѣянности, надежда на Бога слабѣетъ. «Безъ смиренія нѣть и любви къ Богу, потому что только чрезъ смиреніе человѣкъ постигаетъ необходимость и величие богочеловѣческаго дѣла любви распятаго Иисуса Христа, Который, по 1 Корѣ. I, 23, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллинovъ безумie²⁾»... Въ жизни человѣка часто случаются несчастія и бѣдствія. Терпѣливо переносить ихъ опять можетъ только человѣкъ, проникнутый добродѣтелью смиренномудрія, такъ какъ только онъ одинъ въ этомъ случаѣ будетъ сознавать, смиленно чувствовать, что постигшія его невзгоды—послѣдствія его грѣховъ, совершенныхъ имъ и навлекшихъ Божій гнѣвъ [Мих. VII, 9: *и нѣвъ Господень я буду нести* (слав. *стерплю*), *потому что соирѣшиль предъ Нимъ...*]. И такъ, добродѣтель «терпѣнія», весьма важная въ нравственной жизни человѣка, возможна, въ истинно-привлекательномъ ея видѣ, только подъ условіемъ наличности «смиренія»³⁾. Если имѣть въ виду жизнь человѣка въ его отношеніяхъ къ ближнимъ, то здѣсь значеніе смиренія огромно. Изъ-за чего обыкновенно возникаютъ между людьми всякаго рода ссоры, распри и несогласія, войны и проч.? Изъ-за человѣческаго эгоизма, не желающаго поступаться ничѣмъ и ни передъ кѣмъ,—изъ-за недостатка смиренія, при наличности котораго человѣкъ слишкомъ скромно думаетъ о своихъ достоинствахъ (да и въ дѣйствительности, какія у него могутъ быть особыя достоинства?!), чтобы изъ-за какого то (часто лишь воображаемаго только) попранія ихъ кѣмъ-либо заво-

¹⁾ Характеристику ихъ см. въ нашей статьѣ: „Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ Богу“ („Христ. Чт.“ 1898 г., Декабрь).

²⁾ Bittner: S. 249.

³⁾ Ibidem.

дить ссоры и проч. Вместо того, сознавая свое личное недостойнство, смиренномудрый человѣкъ старается исправить въ себѣ то, что вызвало нанесеніе ему обиды со стороны другого, а если эта обида, нанесенная ему кѣмъ-либо,ничѣмъ съ него—обиженнаго—стороны не была вызвана, то и въ этомъ случаѣ послѣдній смиленно примиряется со случившимся, зная, что ничто не происходитъ съ нами безъ воли Божіей и проч. и проч. При подобномъ настроеніи людей, которымъ вообще нечѣмъ гордиться (дунуло вѣтеръ, и нѣть человѣка; о какой же гордости можно говорить столь ничтожному и столь слабому существу?!), исчезли бы всѣ ссоры и распри, отнимающія теперь у человѣка громадное количество времени, массу силъ и энергіи и проч.—и сколь широкое поле открылось бы имъ для развитія, для мирнаго проявленія каждому своихъ силъ въ чисто-христіанскомъ духѣ, въ духѣ всепрощающей любви и проч.?!. Да, значеніе смиренія въ соціальной жизни человѣка неисчерпаемо и въ высшей степени плодотворно¹⁾! Оно таково же и во всей вообще нравственной жизни человѣка. Какую бы добродѣтель его ни взяли мы, она не будетъ имѣть истинной цѣни по мимо смиренія²⁾), не окрашиваемая и не растворяемая послѣднимъ. Все это, разумѣется, и понятно само собою, если припомнить, что и вообще грѣхъ проникъ въ міръ вслѣдствіе гордости первого человѣка, пожелавшаго быть, *какъ боги, знающіе добро и зло* (Быт. III, 5). Ясно, что и врачевствомъ противъ коренящагося въ гордости грѣха человѣка можетъ быть прежде всего и главнѣйшимъ образомъ воспитаніе человѣкомъ настроенія какъ разъ тому противоположнаго, смиреннаго... Если эгоизмъ все собою извратилъ, то смиренномудrie все собою исправить. Быть же смиренномудрымъ христіанину, получившему, благодаря искупительнымъ заслугамъ Спасителя, всѣ потребныя для этого средства и силы, вполнѣ возможно... Всякому, думаемъ, ясно, что изреченія свв. отцовъ и учителей христіанской церкви о значеніи христіан-

¹⁾ Чиг., между прочимъ, наши статьи: „При какихъ условіяхъ могъ бы наступить „вѣчный миръ“ между отдѣльными людьми и цѣльми народами?“ („Хр. Чт.“ 1899 г. Декабрь); „Христіанское самолюбіе“ („Хр. Чт.“ 1897 г., авг.—сентябрь); „Христіанская любовь, какъ единствено-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній“ („Хр. Чт.“ 1899 г., мартъ) и друг.—Ср. у Bittner'a loc. cit.

²⁾ Ср. у Bittner'a ibid.

скаго смиренія нисколько не преувеличены, вполнѣ согласны съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Самая «молитва» наша къ Богу, которою мы начинаемъ каждый день своей жизни, со провождаемъ его и оканчиваемъ, сильна только при наличности смиренія, а безъ него ведеть къ противоположнымъ ожидаемому нами каждый разъ результатамъ. Если молитва смиренна *пройде облаки*, какъ говорить объ этомъ Иисусъ, сынъ Сираховъ (XXXV, 17),—если смиленно сознавшій свои грѣхи и всякаго рода недостатки мытарь, *не осмѣлившійся даже поднять глазъ на небо, но ударявший себя въ грудь* и взывавшій лишь объ одномъ милосердіи Божіемъ, былъ услышанъ Богомъ, то гордый фарисей, надменно противопоставлявшій себя въ своей молитвѣ прочимъ людямъ: *рабителямъ, обидчикамъ, прелюбодѣтямъ* и данному мытарю, достигъ совершенно иного результата (Лук. XVIII, 10—14); *ибо всякий, возвышающій самъ себя,—говорить Спаситель,—уиженъ будетъ, а унижающій себя возвысится* (—14). Разсказавъ объ этомъ, св. евангелистъ продолжаетъ, говоря, что къ Спасителю приносили и младенцевъ, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ, и что ученики, видя то, возбрали имъ (—15), но что Господь, подозвавъ ихъ, сказалъ: *пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не возвращайте имъ, ибо таковыхъ есть царствіе Божіе* (—16). *Истинно говорю вамъ*, продолжаетъ Господь,—*кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него* (—17). Повѣствованіе св. евангелиста Луки поясняется въ евангеліи Матея. На обращенный къ Господу со стороны Его учениковъ вопросъ: *кто больше въ царствѣ небесномъ?* Онъ, по словамъ св. евангелиста Матея, *призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ и сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. И такъ, кто умалится,—* т. е., смирится (=ταπεινώσῃ ἑαυτόν), *унижить себя, — какъ это дитя, тотъ и большие въ царствѣ небесномъ* (Мате. XVIII, 1—4) (ср. XIX, 13—15). Таково значеніе смиренія. Христіанинъ, соотвѣтственно этому, долженъ настраивать себя такъ, какъ настроены дѣти—простыя, незлобивы и смиренныя существа. Впрочемъ, подражаніе дѣтямъ, дѣтской простотѣ, *простотѣ дѣтей на зло* не должно быть въ то же время подражаніемъ имъ и во всѣхъд ругихъ отношеніяхъ; напротивъ, будучи *просты на зло*, христіане должны

быть мудры на добро (Римл. XVI, 19), — на злое будучи младенцами, по уму должны быть совершеннолитными, не должны быть детьми умомъ (1 Кор. XIV, 20) ¹)... Дѣтское незлобіе, дѣтская простота всего болѣе привлекаютъ насъ къ себѣ; этими своими качествами дѣти всего болѣе и нравятся взрослымъ. Кому изъ послѣднихъ удается воплотить ту же простоту и въ себѣ, тотъ долженъ быть названъ по-истинѣ счастливымъ человѣкомъ. Вся бѣда въ нравственно-религіозной жизни отъ той причины и происходитъ, что нѣтъ у людей смиренія, безъ котораго, какъ мы видѣли, не имѣютъ смысла и христіанская добродѣтели, получающія надлежащую окраску только и только отъ него, т. е., смиренномудраго настроенія. Въ самомъ дѣлѣ, отчего у насъ такъ мало вѣрующихъ? Да оттого, что каждый, увлекаемый своимъ горделивымъ, надменнымъ, кичливымъ умомъ, не желаетъ слушать никого и ничего, надѣясь самъ разрѣшить своими силами все, что угодно; а если что-либо не подходитъ подъ его близорукую, но надменную точку зрѣнія, то онъ, считая себя непогрѣшимымъ, отвергаетъ таковое, какъ яко-бы неразумное. Отчего у насъ постоянныя ссоры, да раздоры? Отъ недостатка все смиренія и смиренія. Мы не хотимъ терпѣливо переносить рѣшительно никакихъ обидъ, не только дѣйствительныхъ, но и воображаемыхъ, при самыхъ нелѣпыхъ поводахъ кричимъ и вопіемъ объ оскорблениіи своего достоинства и проч. Отчего у насъ мало любви къ ближнему? Оттого, что у насъ слишкомъ много эгоистической любви къ себѣ; оттого, что мы считаемъ позорнымъ для себя унизиться для проявленія любви къ ближнимъ, стоящимъ на общественной лѣстницѣ ниже насъ, и т. д. Словомъ, отчего у насъ такъ много всякихъ пороковъ? Да оттого, что не хотимъ смиренно понять свое собственное ничтожество, свое истинное состояніе, свое призваніе въ мірѣ и проч., — не хотимъ настроить своей жизни въ духѣ христіанского смиренія, а въ такой или иной степени настраиваемъ ее въ противоположномъ смыслѣ — въ духѣ эгоистическомъ. Если смиренномудріе искушаетъ многие наши недостатки и слабости, то эгоизмъ, напротивъ, по мѣрѣ своей интенсивности, усиливаетъ тѣ и другія въ соотвѣтственной степени.

Въ виду всего сказанного становится вполнѣ понятнымъ,

¹) Ср., между проч., ibid. S. 249—250.

почему въ святоотеческой письменности вопросъ о добродѣти, подлежащей нашему разсмотрѣнію, раскрывался и выяснялся съ особеною любовію. Мы не имѣемъ намѣренія предлагать подробной характеристики пониманія дѣла тѣми или другими отцами, потому что чрезъ это наша настоящая статья приняла бы слишкомъ широкіе размѣры; да, при томъ, этотъ вопросъ скорѣе всего могъ бы быть предметомъ специальнаго обсужденія. Наше намѣреніе состоить въ томъ только, чтобы оттѣнить два обстоятельства: во первыхъ, назвать христіанскихъ писателей, съ особеною любовью раскрывавшихъ и вообще характеризовавшихъ добродѣтель, смиренномудрія, и указать при этомъ, нѣкоторыя изъ сторонъ вопроса, ими раскрытыхъ, и, во вторыхъ, подчеркнуть то, что христіане древней церкви и на дѣлѣ проявляли то же, чего придерживались на словахъ.

Кромѣ упомянутыхъ нами выше, въ настоящемъ случаѣ могутъ быть названы особенно слѣдующіе христіанскіе писатели: Климентъ Римскій, Оригенъ, преимущественное всего — пр. Макарій Египетскій, св. Василій Великій, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Исаакъ Сиринъ, преп. авва Исаія, св. Феодоръ Студитъ и друг. (ср., между прочимъ, «Ученіе 12-ти Апостоловъ», посланіе св. Варнавы, наставленія иноковъ Каллиста и Игнатія и пр.), съ одной стороны, и, съ другой, Тертулліанъ, бл. Августинъ и друг. Особенное вниманіе на добродѣтель смиренія обращали всѣ представители такъ называемаго мистическаго направленія за весь многовѣковой періодъ существованія послѣдняго. Съ отличною любовью о ней говорили и говорять и всѣ выразители монашества, однимъ изъ главнѣйшихъ обѣтовъ которыхъ, какъ известно, является всецѣлое «послушаніе», «отреченіе» ихъ «отъ своей воли», полнѣйшее смиреніе¹)...

Изъ частныхъ пунктовъ, касающихся вопроса о смиренії, какіе такъ или иначе раскрываются или вообще затрагиваются перечисленными писателями, можно отмѣтить нѣкоторые, какъ наиболѣе въ какомъ-либо отношеніи характерные.

¹⁾ О лицахъ, нами перечисленныхъ, и друг. см., напр., въ „Kompendium der theologischen Ethik“ — Luthardt'a (2 Aufl. Leipzig, 1898. S. 153—154), а также и у друг., особенно у Zöckler'a въ его „Kritische Geschichte d. Askese“ (Frankf. a. M. und Erlangen. 1863. S. 380, 381 и др.) и проч. Съ преимущественною любовью чит. „Добротолюбіе“ („въ русск. перев., дополненное“ — передѣлка еп. Феофана; т. I—V).

Что такое смиреніе? Этотъ вопросъ освѣщается въ святоотеческой письменности разносторонне. Смиреннымъ человѣкомъ, если имѣть въ виду поступаніе послѣдняго въ отношеніи къ Богу, является тотъ, кто «склоняетъ» свою волю предъ Божіемъ, въ то же время «стремясь» къ осуществленію въ своей жизнедѣятельности «высокихъ цѣлей» (Оригенъ¹⁾), — кто «думаетъ о себѣ, что онъ — грѣшникъ и ничего доброго не дѣлаетъ предъ Богомъ» (преп. авва Исаія²⁾) и проч. Въ отношеніи къ окружающимъ смиренномудрый «всѣхъ считаетъ превосходнѣйшими себя» (св. Василій Великій)³⁾... Вообще смиренный человѣкъ — тотъ, кто «сокрушилъ свое самомнѣніе..., сокрушилъ сердце», т. е., «истребилъ человѣческие помыслы; кто презрѣлъ настоящее, предалъ себя слову Божію, и владычественное въ себѣ предоставилъ помышленіямъ превыше-человѣческимъ и божественнымъ, тотъ будетъ имѣть сокрушенное сердце и содѣлаетъ его мертвую, не уничтожающую отъ Господа; кто чуждъ всякаго надменія, ничѣмъ человѣческимъ не гордится, тотъ и сердцемъ сокрушенъ и духомъ смиренъ»... (св. Васил. В.)⁴⁾. Такой человѣкъ на свои силы «не полагается, почитая себя чѣмъ-либо»...; «чѣмъ болѣе обогащается духовно, тѣмъ сильнѣе какъ бы обнищеваетъ въ собственномъ о себѣ мнѣніи, по причинѣ ненасытимости духовнаго желанія стремиться къ небесному Жениху»... (пр. Макарій Египетскій)⁵⁾. Смиренный «не воображаетъ о себѣ ничего» даже и въ томъ случаѣ, «когда сознаетъ за собою много важныхъ» добродѣтелей и подобнаго рода дѣяній и проч. (св. І. Златоустъ)⁶⁾... *О наиболѣе высокой степени смиренія и объ условіяхъ его «усовершенія»* можно сказать, наприм., слѣдующее. «Душевная раздражительность укрощается терпѣніемъ, а по истребленіи всякаго высокомѣрія

¹⁾ Luthardt: op. cit. S. 154.

²⁾ „Добротолюбіе въ русск. перев., дополненное“, т. I, изд. 2, Москва, 1883 г., стр. 382.

³⁾ „Творенія иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго“...; изд. 3-е, ч. 5; Сергіевъ Пос. 1892 г., стр. 282.

⁴⁾ Ibid., часть 1-я; изд. 3-е; Москва, 1891 г., стр. 254. 253.

⁵⁾ Бесѣда 10-я (русск. моск. издан. 1880 г., стр. 104—105). Ученіе пр. Макарія о смиренії будетъ подробно выяснено нами во *второмъ томѣ* приготовляемаго къ печати нашего изслѣдованія объ этомъ великомъ подвижникѣ. Здѣсь же отмѣчаемъ это ученіе лишь мимоходомъ и между прочимъ.

⁶⁾ Luthardt: op. cit. S. 154.

усовершается смиреніе; вѣдь трудно представить, чтобы человѣкъ, который не терпитъ быть ниже всѣхъ и послѣднимъ, могъ когда-нибудь, или укоряемый, удержаться отъ гнѣва, или во время скорби препобѣдить искушенія долготерпѣніемъ. А кто преуспѣлъ въ высшемъ смиреніи», слѣдуя въ своей жизни начертанному выше пути, «тотъ, слыша укоризны, поелику самъ себя сознаетъ еще болѣе достойнымъ униженія, не смутится душою отъ того, что безчестять его словами; но, если назовутъ его бѣднымъ, знаетъ, что онъ дѣйствительно нищъ во всемъ и скученъ, и всякий день имѣеть нужду въ подаяніи отъ Господа; если назовутъ его человѣкомъ низкаго происхожденія и неизвѣстнымъ въ свѣтѣ, у него давно напечатлѣно въ сердцѣ, что онъ созданъ изъ персти»... (св. Василій Вел.)¹). «Дѣла», въ какихъ проявляется смиреніе,— по указанію пр. аввы Исаї, — таковы: «молчаніе, не мѣреніе себя ни въ чемъ, нелюбопрітельность, повиновеніе, смотрѣніе въ землю, имѣніе смерти предъ очами, блуденіе себя отъ лжи, непозволеніе себѣ въ бесѣдахъ суесловій, противорѣчія старшему и настоянія на свое мѣсто словѣ, перенесеніе поношенія, нанавидѣніе покоя, нужденіе себя на трудъ и никакого неогорченіе»²). Замѣчательно тонко подмѣчены этими преподобными «отшельникомъ» какъ внутренніе, такъ и внѣшніе признаки, по которымъ можно узнать смиреніе и смиренномудраго.

Отъ похвального смиренія, являющагося украшеніемъ каждого христіанина, слѣдуетъ отличать *смиреніе дурное*. О немъ говорятъ тогда, когда имѣютъ въ виду человѣка, находящагося во власти грѣха и порабощенного послѣднимъ,— человѣка, который при этомъ условіи «уже не въ силахъ придти совершенно въ прямое положеніе..., низложенный грѣхомъ на землю и какъ бы пригвожденный къ» ней... (св. Василій Вел.)³.

Къ пріобрѣтенію смиренномудраю настроенія, къ проявленію послѣдняго въ жизнедѣятельности, самому разнобразному... христіане должны стремиться съ особеною настойчивостью и энергию [св. Феодоръ Студитъ⁴], «Ученіе

¹⁾ Часть первая его твореній (цитов. изд.), стр. 315—316.

²⁾ „Добротолюбіе“ т. I (цит. изд.), стр. 382.

³⁾ Часть первая его твореній (цит. изд.); стр. 254.

⁴⁾ „Добротолюбіе“, т. 4-й, Москва, 1889 г., стр. 87 и слѣд., § 33.

12-ти Апостоловъ¹⁾ и др.], для чего вступать въ общеніе съ людьми, настроенными въ духѣ этой именно добродѣтели («Учен. 12 Ап.»²⁾...

Подобное поступаніе объясняется тѣмъ значеніемъ, тою важностію, какія присущи данной добродѣтели³⁾. Обладая смиреніемъ, христіанинъ только и можетъ удержать за собою дарованныя ему въ христіанствѣ блага. «Если кто не соблюдаетъ великаго смиренномудрія», говоритъ пр. Макарій Ег., «то онъ предается сатанѣ и обнажается отъ данной ему божественной благодати и тогда обнаруживается его самомнѣніе, потому что онъ нагъ и бѣденъ. Поэтому обогащающійся Божію благодатію долженъ пребывать въ великомъ смиренномудріи и сердечномъ сокрушеніи, считать себя нищимъ и ничего не имѣющимъ, думать: что имѣю у себя, все то чужое, другой мнѣ даль, и когда захочетъ, возьметъ у меня. Кто такъ смиряеть себя передъ Богомъ и людьми, тотъ можетъ сохранить данную ему благодать... Будучи Божіимъ избранникомъ, да осуждаетъ онъ самъ себя, и, будучи вѣрнымъ, да почитаетъ себя недостойнымъ»...⁴⁾ Проникнутый смиренномудріемъ христіанинъ не подвергается опасности «пасть»: «да и куда ему пасть», — спрашиваетъ пр. Макарій Ег., — «когда онъ ниже всѣхъ?» При отсутствіи же на лицо смиренія паденіе неизбѣжно⁵⁾. Всѣ добродѣтельныя поступки, не окрашиваемые этимъ смиреніемъ, «безполезны» и наоборотъ: послѣднее «и безъ дѣлъ многимъ прегрѣшеніямъ стяжаваетъ прощеніе» («Иноковъ Каллиста и Игнатія наставление для безмолвствующихъ»)⁶⁾. — Смиреніе — «признакъ христіанства» (пр. Макар. В.)⁷⁾. Оно — «сокровищехранительница добродѣтелей» (св. Василій Вел.)⁸⁾, «всеобъемлющая добродѣтель..., источникъ добродѣтелей... или лучше — рай богонасажденный, произращающій всеплодіе безсмертія» (св. Іоан-

¹⁾ Русск. изд. 1898 г. Москва (перев. К. Д. Попова), стр. 11.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Припомн. приведенные выше выдержки изъ твореній св. Кипріана, бл. Іеронима и св. Григорія Великаго.

⁴⁾ Бес. XLI, стр. 355—356 (цитов. изд.). Сравн. „Слово о храненіи сердца“: гл. 14, стр. 470.

⁵⁾ „Слово о храненіи сердца“: ibid., стр. 471. 470.

⁶⁾ „Добротолюбіе“, т. 5-й, Москва, 1890 г., стр. 394.

⁷⁾ Бесѣд. XV, стр. 168 (цитов. изд.).

⁸⁾ Часть пят. его твореній (цитов. изд. 1892 г. Серг. Пос.), стр. 386.

доръ Студ.); ¹⁾ «что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели, и крѣпость многихъ грѣховъ можетъ оно сокрушить» (Калл. и Игнат.) ²⁾; оно обусловливаетъ для человѣка возможность подниматься все выше и выше по лѣстницѣ «совершенствъ» (пр. Макар. Вел.) ³⁾; смиреніе — «риза Божества»: «въ него облеклось вочеловѣчившееся Слово»; отсюда смиренномудрый человѣкъ «облекся въ самого Христа», какъ по мѣрѣ возможности Ему подражающій (пр. Исаакъ Сир.) ⁴⁾... Смиренномудраго всѣ уважаютъ; никто «не уязвляетъ» его «словомъ и не пренебрегаетъ имъ»; любимый «Владыкою, онъ», поэтому, «любимъ и всѣми»; смиреніе «укрощає свирѣпость губительныхъ звѣрей»; предь нимъ всецѣло безсильна «даже и демонская злоба»... [пр. Исаакъ Сир. ⁵⁾, (пр. Макарій Егип. ⁶⁾]. Впрочемъ, смиреніе доставляетъ человѣку и большую награду: «оно сдѣлаетъ насъ сынами Божіими и безъ дѣлъ добрыхъ представить насъ Богу, а безъ него всѣ дѣла наши, всякия добродѣтели и всякое дѣланіе напрасны» (ср. выше: слова Калл. и Игнат.); «его одного достаточно, чтобы безъ сторонней помощи представить насъ предъ лицо Бога и говорить за насъ ходатайственно» (Калл. и Игнат.) ⁷⁾. Не только люди награждаются смиренномудраго [какъ это видно, напр., изъ факта избранія въ одну «обитель новаго настоятеля не за что другое, а за одно смиреніе» ⁸⁾], изъ факта «предпочтѣнія пр. Сильвана Феодору освященному, Петронію треблаженному и Орсисію всепѣтому»... ⁹⁾], но еще болѣе — Богъ: Онъ — «великій зритель» человѣческаго смиренномудрія и «воздаетъ славную награду» (св. Василій Вел.) ¹⁰⁾; Онъ «близокъ» къ каждому,

¹⁾ „Добротол.“ т. 4-й: Москва; 1889 г., стр. 317.

²⁾ „Добротол.: цитов. изд., т. 5-й, стр. 394.

³⁾ Бес. X, стрн. 106. 107.

⁴⁾ „Слова подвижническія“ пр. Исаака Сир.; русск. изд. (Москва. 1858 г.), стр. 336 и слѣд. (слово 53).

⁵⁾ Ibid., стр. 339—340.

⁶⁾ „Достопам. сказ. о подвигѣ св. и блаж. Отцовъ“ (1855 г., изд. 3), стр. 172 (№ 11), 182 (№ 34). См. о пр. Макаріи и во многихъ другихъ источникахъ.

⁷⁾ „Добротол.“, т. 5-й, стр. 394 (цит. изд.).

⁸⁾ Св. Феодор. Студ.: „Добротол.“, т. 4-й, стр. 317—318.

⁹⁾ Ibid., стр. 88.

¹⁰⁾ Часть четвертая твореній: стр. 296 (цит. изд.).

проникнутому духомъ «смиренномудрія» (св. В. В.) ¹⁾; «смиренномудріе—обитель или упокоеніе Духа» (пр. Макарій Ег.) ²⁾... Отсюда ясно какъ то, что всякий, возстающій противъ смиренномудраго, «какъ бы на Бога отверзаетъ свои уста» (пр. Исаакъ Сир.) ³⁾,—такъ и то, что сами смиренномудрые—во-истину «блаженны» (св. Феодоръ Студ.) ⁴⁾... Смиреніе настолько важно, что, по словамъ пр. Макарія Ег., — «самою высокою заслугою любомудрія» является то, «когда великий по дѣламъ смиряется сердцемъ и осуждаетъ себя за жизнь» и т. д. ⁵⁾. Поэтому намъ съ особеннымъ вниманіемъ надлежитъ заботиться о томъ, чтобы смиреніе какъ «предваряло» собою наши поступки, такъ «сопровождало» ихъ, а равно и «следовало» за ними, такъ какъ иначе «гордость» легко можетъ исхитить изъ нашихъ «рукъ» уже пріобрѣтенные, можно сказать, плоды (бл. Августинъ) ⁶⁾. Эта гордость постепенно можетъ замѣнить собою «смиреніе», разъ человѣкъ не блюдетъ за собою и не заботится о сохраненіи и укрѣпленіи соотвѣтствующаго настроенія (св. Василій Вел.) ⁷⁾.

Но, сколь ни высоко и сколь ни важно смиреніе, дѣло пріобрѣтенія его далеко не легкое, «потому что добродѣтель эта заключаетъ въ себѣ все». Отсюда уже ясно, что называть кого-либо смиренномудрымъ въ истинномъ смыслѣ слова слѣдуетъ осторожно; иначе можно впасть въ большую ошибку (пр. Исаакъ Сир.) ⁸⁾. Что же касается вопроса: «какъ» человѣку «пріобрѣсть» данную добродѣтель? то въ отвѣтъ не него можно указать на слѣдующія, напр., условія. «Пріобрѣтаетъ» ее «человѣкъ, если, во-первыхъ, будетъ помнить заповѣдь Господа, сказавшаго: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ* (Мате. XI, 29), что Господь во многихъ случаяхъ и многими способами показалъ и преподалъ,—а также будетъ вѣрить Его обѣтованію, что

¹⁾ Часть первая; стр. 253 и слѣд.

²⁾ „Слово о храп. сердца“; гл. 14; стр. 470 (цит. изд.).

³⁾ Стр. 339; слово 53 (цит. изд.).

⁴⁾ „Добротол.“; т. 4-й, стр. 87, § 32.

⁵⁾ „Посланіе отца наш. Макарія Егип.“; стр. 430 (чит. здѣсь и многія другія строки) (цитов. издан.).

⁶⁾ См. у Bittner'a: op. cit. S. 248—249.

⁷⁾ Часть 2-я его твореній: стр. 97 (цит. изд.).

⁸⁾ Слово 53-е; стр. 341 и др. (здѣсь есть много интересныхъ подробностей).

смиряйся вознестся (Лук. XIV, 11), сверхъ же того будеть равно во всякомъ дѣлѣ и непрерывно прилагать допеченіе къ упражненіямъ въ смиренномудріи и пріучать себя къ нимъ... (св. Василій Вел., пр. Исаакъ Сир.)¹). Человѣкъ, желающій быть смиренномудрымъ, не допускаеть ни въ чёмъ «излишествъ», «скроменъ» въ своихъ отношеніяхъ къ «ближнимъ», скроменъ «въ словѣ», «кругокъ, непамято-злобивъ, человѣколюбивъ, доступенъ, прикрываетъ свои преимущества, обличаетъ не скоро и не страстно, исправляетъ погрѣшившихъ», считаетъ себя «равнымъ подчиненнымъ» и проч. (св. Василій В.)²). И если, благодаря различнаго рода условіямъ, человѣкъ въ концѣ концовъ успѣваетъ пріобрѣсти смиреніе, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ думать, что этимъ пріобрѣтеніемъ обязанъ себѣ самому: съ его стороны были только известныя усиленія, а то, что они достигли цѣли, *дѣло божественной благодати* [пр. Исаакъ Сир.³), св. Василій Вел.⁴].

Въ виду всего сказаннаго становится понятнымъ, что, кромѣ Господа Іисуса Христа, никто не возвысился до истиннаго пониманія такъ называемаго смиренія, — не возвысился даже и «Платонъ» и др. (Оригенъ)⁵:

Нами освѣщены лишь самыя ничтожныя крохи святоотеческаго учепія о смиренномудріи (большими цѣлями мы, какъ сказано, и не задавались), но и изъ того немногаго, чтѣ нами уже сказано, вполнѣ ясными, думаемъ, представляются тѣ выдающіяся особенности данной добродѣтели, какія ей присущи согласно со святоотеческимъ ея пониманіемъ, по которому оно, — коротко сказать, — является «суммою вспахъ христіанскихъ совершенствъ»⁶), однимъ изъ двухъ (вместѣ съ «вѣрою») условій «обрѣтенія» самой «жизни»...⁷)

На словахъ восхваляя смиренномудріе, древніе христіане проявляли его и въ своей дѣятельности, *въ самой своей жизни*.

¹⁾ Часть 5-я твореній св. Вас. В.: стр. 282 (цит. изд.), — 53-е слово пр. Исаака Сир: стр. 344 и др. (цит. изд.).

²⁾ Часть 4-я, стр. 295—295 (здесь есть много интересныхъ по данному вопросу подробностей).

³⁾ Слово 53, стр. 341, 343 и др. (цит. изд.).

⁴⁾ Часть 5-я, стр. 385—386 и мног. др. (цит. изд.).

⁵⁾ См. у Zöckler'a: op. cit. S. 380.

⁶⁾ Ibid. S. 381.

⁷⁾ Пр. Исаака Сир. „слово 49“: стр. 311 (цит. изд.).

Эти проявления были различны. Некоторые «принципиально» не желали стать выше того «низкого жизненного положения» какое они занимали. Таковы, напр., Климентъ Александрийскій (оставался «только катехетомъ»), Оригенъ и Тертулліанъ (не бывшіе «пресвитерами»), св. Ефремъ (не бывшій «ни епископомъ, ни пресвитеромъ», но только «діакономъ»), бл. Іеронимъ (хотя и «пресвітеръ», «но фактически» остававшійся «постоянно» только «монахомъ») и др. Иные крайне «боялись» входить въ общенія съ «епископами», чтобы эти не поставили ихъ въ высшій, по сравненію съ ихъ положеніемъ, санъ. Таковы были, напр., «св. Амвросій, Павлиніанъ» («брать бл. Іеронима»); «Павлинъ Ноланскій, Иларій Арелатскій» и «друг.»¹⁾. Иные «добровольно нисходили съ высокихъ ступеней земного могущества и великолѣпія». Таковы, напр., были — «Константинъ Великій, изъ почтенія предъ епископами», составлявшими «Никейскій соборъ», «стоявшій» предъ ними, — «Ѳеодосій Великій», отношеніе которого къ св. «Амвросію Медіоланскому» всѣмъ извѣстно, — «императрицы—Елена († ок. 328 г.), Евдокія († 460 г.)»...²⁾ Извѣстны также и многія другія формы обнаруженія и проявленія смиренія въ древніе вѣка христіанской церкви: то въ видѣ «омовенія ногъ» (обычай общеизвѣстенъ), то въ видѣ «колѣнопреклоненія», соединеннаго «съ цѣлованіемъ ногъ» у «гостей» и проч.³⁾. Въ дальнѣйшее за святоотеческимъ періодомъ времія (особенно въ періодъ «средневѣковаго» западнаго «монашества») данные формы еще болѣе умножались и разнообразились⁴⁾, но рѣчь объ этомъ уже не входитъ въ предѣлы нашей задачи.

IX. Многіе задавались и задаются цѣлію намѣтить степени смиренія. При этомъ число такихъ степеней или ступеней, на какія послѣдовательно восходитъ упражняющійся въ смиренномъ мудріи, указывается различными лицами различное, что стоять въ зависимости, конечно, отъ точки зрѣнія, на какой стоять указывающіе. Установить же какую-либо одну точку зрѣнія, разумѣется, безусловно невозможно, такъ какъ дѣло смиренномъ мудрія — живое, въ каждомъ отдельномъ человѣкѣ течетъ своеобразно, въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ по-

¹⁾ Zöckler: S. 381—382.

²⁾ Ibid. S. 382—383.

³⁾ Ibid. S. 383—384.

⁴⁾ Ср., напр., ibid. S. 385...

слѣдняго, — дѣло, котораго нельзѧ постигать съ осознаніемъ ясності и пр. и пр. Для примѣра всѣ же приведемъ два миѳія — одно изъ истекающаго столѣтія, а другое — изъ средневѣковыхъ временъ. Одинъ католическій богословъ (цитованный уже выше Биттнеръ) указываетъ три «степени смиренія». Низшая изъ нихъ — та, когда человѣкъ «избѣгаєтъ почестей и отличій, по примѣру Иисуса Христа (Іоан. VI, 15) и святыхъ»¹⁾. Это, такъ сказать, низшая, подготовительная ступень. Взошедшій на нее и ее ipso уже нѣсколько настроившій себя въ достодолжномъ направленіи можетъ постепенно достигнуть и большихъ результатовъ, требующихъ большаго напряженія и большихъ силъ, — можетъ взойти и на вторую ступень, т. е., настроить себя такъ, чтобы «не бояться ни презрѣнія, ни поношенія со стороны міра», чтобы не «избѣгать» ихъ и не «жаловаться» по ихъ поводу, — опять руководясь тѣмъ «примѣромъ», «какой данъ намъ всею жизнью» Богочеловѣка²⁾, а равно и его ревностныхъ послѣдователей и подражателей. Кто поступаетъ подобнымъ образомъ, тотъ уже стойть на значительной высотѣ; для того уже не такъ труденъ переходъ къ «третьей» — «наивысшей ступени смиренномудрія», когда онъ «радуется униженіямъ, любить ихъ, даже ищетъ (Мате. V, 11—12)», снова руководясь поучительными примѣрами великихъ послѣдователей Христовыхъ: «свв. апостоловъ», радовавшихся, что за имя Господа Иисуса удостоились принять безчестіе (Дѣян. V, 41) (ср. 2 Коре. XII, 10)³⁾, и многихъ другихъ великихъ подвижниковъ: Въ характеристицѣ степеней смиренія, предлагаемой даннымъ богословомъ, обнаружено глубокое пониманіе дѣла, хотя эта характеристика все же слишкомъ общая, не указываетъ частностей исторіи развитія и укрѣпленія смиренного настроенія въ человѣкѣ. Отома Аквинатъ (XIII в.), слѣдя Бенедикту Нурсійскому (V — VI вв.), указываетъ «двѣнадцать степеней смиренія, изъ которыхъ по смыслу двѣнадцатой человѣкъ долженъ бояться Бога и помнить о всѣхъ Его заповѣдяхъ,⁴⁾ по смыслу одиннадцатой — не долженъ слѣдовать влеченіямъ своей собственной воли; десятой — долженъ безпрекословно

¹⁾ Bittner: op. cit. S. 250—251.

²⁾ Ibid. S. 251—253.

³⁾ Ibid. S. 258.

⁴⁾ Эта ступень — „корень и центральный пунктъ всякаго смиренія“ (Рупнер: „Lehrbuch d. k. Moralttheologie“; 2 Aufl. Freib. 1883. S. 139).

повиноваться высшимъ; девятой — долженъ повиноваться имъ даже въ обстоятельствахъ трудныхъ и тяжелыхъ; восьмой — долженъ сознавать свои грѣхи; седьмой — сознавая свои недостатки, долженъ считать себя самого по себѣ безсильнымъ для совершенія чего-либо великаго; шестой — долженъ думать и высказывать, что онъ ничтожнѣе всѣхъ другихъ, пятой — не долженъ уклоняться въ своей дѣятельности отъ общаго пути; наприм., въ жизни монастырской.., четвертой — не долженъ говорить не во время; второй — долженъ говорить не много, но разумно и, при томъ, спокойнымъ голосомъ; первой — долженъ иметь смиреніе въ сердцѣ и обнаруживать его во-внѣ — въ опущенныхъ на землю взорахъ, и, наконецъ, третьей — не долженъ быть слишкомъ подвиженъ къ смѣху и — нелѣпо, глупо радоваться»¹⁾). При всей видимой обстоятельности разъясненія дѣла, послѣднее здѣсь въ дѣйствительности раскрывается мало, не всегда систематично, часто мелочно... и вообще Фомы-Бенедикта характеристика степеней смиренія недостаточнѣе даже и общей характеристики Битнеровой, хотя можно встрѣтить ее и понынѣ въ нѣкоторыхъ католическихъ правоучительныхъ системахъ, повторяющихъ Фому Аквината и подобныхъ ему древнихъ моралистовъ...

Краткая характеристика *христіанской добродѣтели — смиренія*, предложенная нами, достаточно, — надѣемся, — на-мѣчаетъ и указываетъ смыслъ и значение этого христіанского обнаруженія, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія его черты и особенности. Съ какой бы стороны мы ни взглянули на смиренномудріе, всюду оно изумляетъ насъ своимъ величиемъ, своимъ огромнымъ значеніемъ. Самая первая христіанская заповѣдь о любви къ ближнему (Гал. V, 14) можетъ всего скорѣе осуществляться при наличности въ человѣкѣ-исполнителѣ ея — смиренного настроенія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ главнѣйшимъ образомъ препятствуетъ проявленію нашей любви къ ближнимъ? Нашъ эгоизмъ, гордость наша, себялюбіе во всѣхъ его видахъ, въ силу чего всюду въ нашемъ поступаніи заявляетъ о себѣ лишь противоположное нормальному отношеніе наше къ окружающимъ. Это — съ одной стороны. Съ другой — гдѣ

¹⁾ См. наше изслѣдованіе: „Аристотель и Фома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“ (Спб. 1884 г.), стрп. 447.

всего меньше можно говорить о томъ эгоизмѣ, о томъ себялюбії? А тамъ, гдѣ на-лицо смиреніе. Слѣдовательно, для смиренномудрого всего легче осуществить самую основную, самую коренную заповѣдь христіанства. Извѣстные намъ изъ исторіи факты какъ нельзя болѣе краснорѣчиво и подтверждаютъ истинность этого вывода¹⁾). Вотъ здѣсь то и коренится самое главное, самое основное и наиболѣе привлекательное значеніе смиренномудрія, христіанского смиренія²⁾.

Александръ Бронзовъ.

Декабря 25-го
1899 г.

¹⁾ Ср. у Bittner'a S. 254—255.

²⁾ Нѣкоторыя частности, о которыхъ нѣтъ рѣчи въ настоящей статьѣ,—такъ какъ онѣ къ *существу* дѣла собственно не относятся,—чит. въ правоучительныхъ системахъ: Cathrein'a, G  pfert'a, Luthardt'a, Bittner'a, Lehmkahl'я, Schwane, Pruner'a и друг., въ аскетикѣ еп. Петра и проч. Всѣ эти опыты уже были подробно названы въ прежнихъ нашихъ статьяхъ; поэтому снова приводить полныя ихъ заглавія не видимъ надобности.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки